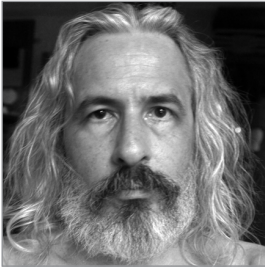

ТРЕТЬЕ ПРОЧТЕНИЕ: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Черняк Алексей Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Статья посвящена анализу предложений, описывающих чью-либо психологическую установку, высказываемых с точки зрения человека, для которого иметь такую установку значит не то же самое, что иметь ее для субъекта, которому он ее приписывает. Эти ситуации характеризует «парадокс объемов», когда стандартные прочтения предложения, одно из которых размещает содержание, отображающее специфическую точку зрения говорящего на описываемую установку, вне, а другое – внутри сферы действия глагола, указывающего на тип установки, – не отвечают интуитивному пониманию сказанного в предложении. Решением этих ситуаций в современной теоретико-модельной семантике принято считать нахождение специального третьего прочтения. В статье предлагается кластерный анализ случаев предложений, допускающих третье прочтение. Показано, что появление такого предложения в составе дискурса можно трактовать как объединение двух (и более) лингвистических кластеров выполняющих разные роли в соответствующем дискурсе. В этом случае уместно говорить не о едином контексте высказывания данного предложения, а о последовательности контекстов производства соответствующих кластеров. При таком анализе третье прочтение может быть устранено.

Ключевые слова: значение, условия истинности, семантика, логический анализ, пропозициональная установка, третье прочтение, парадокс объемов, кластер

THE THIRD READING: A CLUSTER ANALYSIS

Alexey Chernyakh – PhD in Philosophy, assistant professor. People's Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: abishot2100@yandex.ru

This issue is dedicated to the analysis of sentences which purpose is to describe someone's psychological attitudes in terms of the corresponding but different attitudes of agents of describing reports, and which understanding produces so called "scope paradox". Normally any sentence which describes someone's attitude with propositional content has two readings: according to one of them the expression of how an agent of the report view the described attitude is placed outside of the scope of an attitude operator; according to another it is placed within that scope. But sometimes intuition says that neither reading would properly represent what is being said in the report. In order to solve the problem which such cases seem to generate the idea of a third reading was proposed. But perhaps we still don't need third reading in order to express proper understanding of such difficult cases; in what follows it will be shown for the sake of this hypotheses that if the sentences in question are analyzed as clusters of reports all we need are two standard readings.

Keywords: meaning, truth conditions, propositional attitude, semantics, logical analysis, third reading, scope paradox, cluster

Проблема третьего прочтения

В современной лингвистике и философии языка широкое распространение получил анализ семантик естественных языков логическими средствами¹. Такой подход предписывает считать значениями осмысленных предложений естественных языков их истинностные значения, для приписывания которых необходимо знать условия истинности интерпретируемых предложений. Но определенные условия истинности можно приписать предложению, только если оно выражает определенную мысль². С точки зрения формальной семантики мысль представляет собой логическую конструкцию, в которой элементы – значения отдельных составляющих предложения – связаны логически. Так, «и» в «Снег белый и пушистый» трактуется как логический оператор конъюнкции, а предикат «[есть] белый и пушистый» – как выражение функции, отображающей аргумент (значение субъектного термина) на множество истинностных значений. Для описания логического содержания мыслей используются искусственно созданные формальные языки, и данный подход предполагает, что для каждого осмысленного предложения естественного языка существует хотя бы одно предложение формального языка, описывающее мысль, которую это предложение выражает, и являющееся, таким образом, его синонимом. Термины таких языков, включая символы, используемые в них в роли имен, считаются однозначными³. В силу этого логический парафраз позволяет приписывать предложениям естественных языков определенные условия истинности, устраняя их естественную неоднозначность.

Но одно и то же предложение естественного языка может выражать разные мысли в разных ситуациях (контекстах), в зависимости, например, от того, что именно хотят с его помощью сказать. Так, «Снег белый» может выражать мысль, что любой снег всегда белого цвета, а может сообщать, что какой-то определенный наблюдаемый говорящим снег выглядит белым в момент наблюдения. В этих случаях условия истинности предложения зависят не только лексических значений составляющих его слов и от принципа их

¹ Основы логического анализа языка были заложены Г. Фреге [Фреге, 1967]. Позднее эти принципы были применены к моделированию семантик естественных языков [Монтегю, 1974; Льюис, 1972] и др.

² С точки зрения Фреге [Фреге, 1948], помимо значений у языковых выражений есть также смыслы, определяющие значения, и мысль является смыслом предложения. Формальные семантики в основном базируются на этой двухуровневой теории значения.

³ Насколько это условие выполнимо, учитывая, что значение искусственно созданному термину приписывается на основе определения, обычно включающего выражения естественных языков – отдельный вопрос.

комбинирования, но и от того, например, какими еще терминами, опущенными в предложении в интересах краткости, удобства и т. п. его следует дополнить с точки зрения говорящего. Только в этом случае к предложению можно применить какой-то определенный логический парафраз.

Помимо прочего предложения естественных языков используются для сообщения информации об убеждениях, знаниях, желаниях и прочих психологических установках участников коммуникации. Условия истинности таких предложений связывают их с двумя группами обстоятельств: *объективными* положениями дел (фактами) и *субъективными* точками зрения, убеждениями, представлениями и т. п. Можно не считать, что факты объективны, но во всяком случае форма многих предложений указывает на то, что их следует трактовать как описания чего-то независимого от точек зрения и оценивать относительно того, как обстоят дела объективно. Насколько это выполнимо – другой вопрос.

Например, истинность предложения

В Саратове идет дождь

предположительно зависит от того, идет ли дождь в Саратове (в какой-то определенный период времени). А истинность

(1) *Петя верит, что в Саратове идет дождь,*

зависит как от существования какого-то или (чаще) конкретного Пети, о котором идет речь, так и от того, во что именно он верит.

Но (1) двусмысленно, поскольку понимание значений всех его лингвистических составляющих не позволяет сказать, говорит оно об объективном положении дел – дожде в Саратове, – что в него верит Петя, или только о содержании убеждений Пети. В последнем случае, в частности, (1) могло бы быть истинно, даже если бы Саратов не существовал, но Петя верил бы, что он существует и что в нем идет дождь.

Эта двусмысленность нашла свое отражение в концепции двух прочтений сообщений о психологических установках, называемых обычно *de re* и *de dicto*. В первом случае все или некоторые референциальные выражения, встречающиеся в анализируемом предложении после глагола установки (в данном случае «верит»), читаются как обозначающие нечто существующее независимо от содержания самой приписываемой установки. Они как бы выводятся в этом случае из-под управления глагола установки и имеют так называемый *широкий охват*. Такое прочтение (1) можно в формальном виде представить как:

$\exists x \exists y (\text{Петя}(x) \wedge \text{Саратов}(y) \wedge x \text{ верит } [\text{идет дождь в } y])$.

С другой стороны, *de dicto* прочтение приписывает (1) сообщение исключительно о том, во что верит Петя; в этом случае все референциальные выражения под управлением глагола установки имеют так называемый *узкий охват*, т. е. читаются как обозначающие нечто, существующее только с точки зрения субъекта установки:

$\exists x(\text{Петя}(x) \wedge x \text{ верит } [\exists y(\text{Саратов}(y) \wedge \text{идет дождь в } y)])$.

Обычно информацию о том, какое прочтение уместно использовать для оценки высказывания, оценивающие черпают из контекста, а именно – предполагая, что хотел сказать или должен был хотеть сказать в данной ситуации субъект сообщения.

Но в некоторых ситуациях не получается выбрать для высказывания одно из двух указанных прочтений. Один из самых известных примеров такого рода получил название проблемы «третьего прочтения». На него первой обратила внимание Ж. Фодор [Фодор, 1970], заметив, что предложение

(2) *Мэри хочет купить точно такую же шляпу, как моя*

имеет три прочтения, соответствующие трем разным сценариям, в которых (2) может быть высказано. Скорее всего, согласно (2), Мэри не хочет купить шляпу, которую она сама описала бы с помощью выражения «точно такая же, как моя»; следовательно, *de dicto* прочтение не годится для интерпретации (2), так как приписывает Мэри желание, которого она явно не имеет. С другой стороны, в мире может не существовать больше ни одной шляпы описанного вида, поэтому *de re* прочтение будет в таком случае делать (2) ложным; между тем интуитивно (2) не является ложным в описанной ситуации, даже если больше ни одной соответствующей шляпы не существует. Отсюда возникает необходимость третьего прочтения.

Согласно Фодор третьим прочтением (2) будет соответствовать предложению

Мэри хочет купить некую шляпу, отвечающую определенным параметрам, но она не знает, что эта шляпа будет точно такая же, как моя,

которое сообщает, что Мэри хочет, чтобы имела место ситуация, в которой существует шляпа, отвечающая определенным параметрам, и она ее покупает, но эта шляпа – точно такая же, как действительная шляпа говорящего⁴.

⁴ Предполагается, что (2) высказано не Мэри, т. е. сообщает о ее желании не с ее собственной точки зрения. Если бы (2) было высказано самой Мэри, скорее всего, оно сообщало бы либо, что у Мэри есть некая определенная шляпа и еще одну точно такую же она хочет купить, либо что она хочет, чтобы имела место ситуация, в которой у нее есть определенная шляпа и она покупает еще одну точно

Другой пример, из которого может следовать необходимость третьего прочтения:

(3) *Наташа хочет выйти замуж за миллионера,*

высказанное в ситуации, когда Наташа сообщила говорящему, что она хочет выйти замуж за какого-нибудь топ-менеджера «Газпрома» (у нее пока нет конкретного избранника), и говорящий знает, что в современной России все топ-менеджеры – миллионеры (хотя Наташа может об этом не догадываться). Наташа, таким образом, хочет выйти замуж за представителя группы людей (топ-менеджеров «Газпрома»), которые в нашем мире, но не обязательно во всех возможных мирах, сплошь миллионеры. При *de re* прочтении (3) будет говорить, что есть какой-то (или конкретный) миллионер, за которого Наташа хочет выйти замуж, а при *de dicto* – что Наташа хочет, чтобы существовал такой миллионер, за которого она выходит замуж. Между тем в предлагаемом сценарии она хочет, чтобы существовал некто, отвечающий ее собственным критериям, за которого она выходит замуж и который на самом деле, хотя она этого не знает, является миллионером⁵.

Обстоятельства высказывания (3) таковы, что кванторная группа *миллионер* должна, с одной стороны, находиться в сфере действия интенционального глагола установки, как при *de dicto* прочтении, но в то же время быть вне этой сферы, как при *de re* прочтении. Невозможность сделать то и другое одновременно делает такие высказывания парадоксальными⁶.

Формальные решения и их проблемы

Стандартный способ решения указанного парадокса состоит во введении формальных ограничений на приписывания значений терминам определенных видов. Так О. Перкус [Перкус, 2000] анализирует предложение:

(4) *Мэри думает, что мой брат канадец*

в терминах возможных миров следующим образом. При *de dicto* прочтении Мэри думает в мире высказывания (обычно совпадающим с действительностью), что в некоем возможном мире у говорящего есть

такую же. Также формальный анализ обычно предполагает, что собственное имя, использованное в предложении, имеет строго определенный денотат (обозначает конкретного индивида).

⁵ Пример взят из: [Куслий, 2013]. См. также обзор аналогичных примеров в: [Фон Финтель и Хайм, 2011, ch. 8].

⁶ Эта проблема получила название *парадокса охвата* (*scope paradox*). Существуют разные его версии, самая известная из которых была описана А. Прайором [Прайор, 1968] и Г. Кемпом [Кемп, 1971] в рамках анализа семантики выражения «теперь».

брат и он в этом мире канадец⁷. *De re* прочтение (4) сообщает, что Мэри в мире высказывания думает, что в некоем возможном мире брат говорящего из мира высказывания является канадцем в этом возможном мире⁸. Третье прочтение говорит, что в мире высказывания Мэри думает, что в некоем возможном мире у говорящего есть брат, отвечающий в этом мире определенным параметрам, который является в мире высказывания канадцем⁹. Согласно этому прочтению (4) должно быть истинно всегда, когда есть какой-то реальный канадец, о котором Мэри думает, что он брат автора данного высказывания, даже если он на самом деле таковым не является, а Мэри думает, что он не канадец. Однако в подобных случаях (4) обычно считается ложным; поэтому чтобы исключить индексацию, характерную для третьего прочтения, Перкус предлагает правило, согласно которому индексация, соотносящая денотаты переменных с возможными мирами, должна совпадать с индексом ближайшего к нему (слева) лямбда оператора¹⁰.

Но это правило фактически исключает возможность приписывать Мэри ошибочное представление, что какой-то реальный канадец и брат того, кто произносит (4), – один и тот же человек; между тем она может так думать.

К. Финтель и И. Хайм [Фон Финтель и Хайм, 2011, с. 105] предложили ослабить требование, чтобы все, что идет в предложении после интенционального глагола, управлялось им. Третье прочтение (2) согласно их версии говорит, что в мире высказывания Мэри хочет, чтобы в мире, совместимом с ее желаниями, она купила шляпу, такую же как шляпа говорящего из мира высказывания¹¹.

Но такое решение все-таки сохраняет ощущение, что Мэри приписывается желание купить шляпу, такую же как шляпа говорящего с точки зрения самой Мэри, пусть даже эта точка зрения доступна ей лишь

⁷ В формальном виде: λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₁} (есть) канадец_{w₁}], где « w_0 » и « w_1 » – переменные, соответственно, для мира, в котором делается высказывание, и мира мыслей и желаний Мэри. В приведенном виде выражение «мой брат» остается нерасшифрованным, что сохраняет двусмысленность: речь может идти как о возможном брате действительного говорящего, так и возможном брате возможного говорящего.

⁸ λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₀} (есть) канадец_{w₁}].

⁹ λw_0 Мэри думает_{w₀} [(что) λw_1 мой брат_{w₁} (есть) канадец_{w₀}].

¹⁰ Перкус говорит о ситуативных местоимениях и в оригинальной форме правило выглядит немного иначе.

¹¹ λw_0 Мэри хочет_{w₀} [λw_1 шляпу как моя_{w₀} купить_{w₁}]. Фон Финтель и Хайм используют идею Я. Хинтикки [Хинтикка, 1969], согласно которой объем интенционального глагола, описывающего психологическую установку, охватывает все возможные миры, совместимые с содержанием этой установки. Строго говоря, мы не обязаны принимать и это условие: Мэри может быть убеждена, что у нее нет возможности купить шляпу, которую она хочет; но человеческие желания не всегда являются реакциями на то, что возможно, и Мэри может все равно желать шляпу, которую она не может купить.

в мире ее желания. Однако согласно сценарию, порождающему третье прочтение, Мэри не желает, чтобы в каком-то мире она купила шляпу, которая в точности такая же, как шляпа говорящего в мире высказывания. Технически проблема состоит в том, что не ясно, насколько оправдано появление указания на мир высказывания в сфере действия блажащего указания на мир желаний субъекта установки. Можно не считать правило, сформулированное Перкусом универсальным, но поскольку оно частично отражает практику использования естественных языков, не лучшее решение просто нарушать его всякий раз, когда это удобно.

Другие решения также используют аппарат формальной семантики, но не все – квантификацию по возможным мирам. Одно такое решение принадлежит А. Бономи [Бonomи, 1995]. Третье прочтение (3), например, с ее точки зрения будет сообщать, что относительно свойства быть миллионером Наташа хочет, чтобы существовал такой индивид, который обладает этим свойством, и она выходит за него замуж, и какой-то индивид является миллионером¹².

В этом случае, однако, все равно свойство быть миллионером приписывается как часть того, чего хочет Наташа от соответствующего индивида: либо аргументом в этом парафразе должно быть то свойство, по которому Наташа идентифицирует своего потенциального жениха, либо следует признать, что частью ее желания является ситуация, в которой она выходит за миллионера, несмотря на то, что она сама так себе эту ситуацию не представляет¹³.

Согласно решению М. Крессвела [Крессвел, 1990], третьим прочтением (2) является:

Мэри хочет [некую [действительно₀ шляпу как моя] купить],

где «действительно» временно идентифицирует мир оценки с тем, который выбирается по умолчанию, т. е. до интенционального глагола¹⁴.

Но почему надо включать оператор действительности в сферу действия интенционального глагола, если агент передаваемой с его помощью установки не находится в отношении желания к объекту *действительно-шляпа-как-моя*, т. к. не находится в таком отношении к объекту *шляпа-как-моя*? И в целом не понятно, как интерпретировать такую логическую структуру¹⁵.

¹² λP . Наташа хочет $[\exists x(P(x) \ \& \ PRO \text{ выходит замуж за}(x))]$ (λy . миллионер(y)).

¹³ См. также возражения против этого решения в [Куслий, 2013].

¹⁴ Фон Финтель и Хайм трактуют это решение как эквивалентное их собственному [Фон Финтель и Хайм, 2011, с. 110].

¹⁵ Если переписать данное решение с использованием лямбда оператора и переменных места и времени, чтобы избежать указаний на возможные миры, получится: $\lambda t \lambda l$ [Мэри хочет $\lambda x \lambda t' \lambda l'$ [некую [действительно_{с₁} шляпу как моя] купить_{с₁}]]. Но насколько оправдано появление действительных параметров места и времени в сфере действия интенционального глагола, меняющего эти параметры с действительных (характеризующих ситуацию высказывания) на возможные.

Можно изменить синтаксис (2), отказавшись от единства выражения «шляпа как моя», и получить:

Мэри хочет [купить [некую шляпу [действительно₀ как моя]]].

Этот вариант, по крайней мере, сохраняет исходный порядок предикации: в некоторых случаях может быть важно, что Мэри *хочет* купить *x*, но не *чтобы* имела место ситуация, в которой *имеется x* и Мэри *покупает x*. Мэри может хотеть купить *x* независимо от существования или даже возможности *x*. Но при таком сценарии разумнее выделить два интуитивно зависимых от разных фактов фрагмента (2) как управляемых разными модальными операторами:

Мэри хочет [купить некую шляпу,] и Шляпа₁ (есть) [точно такая же, как моя],

а затем соединить их в одно предложение. В конце концов, выражение содержания (2) одним предложением может быть следствием простого стремления быть кратким, даже в ущерб точности. Тогда высказывание (2) будет выглядеть скорее скрытой анафорой, в которой некоторые составляющие выражения «шляпа как моя» встречаются дважды и второе появление заимствует референцию у первого. Альтернативно можно сохранить для такого сценария представление в форме одного предложения, но включить в его логический парафраз знак следа для соответствующего компонента «шляпа как моя» (в данном случае – слова *шляпа*).

Динамика интерпретации

Есть и другие формальные решения проблемы третьего прочтения, но все они так или иначе базируются на допущении, что сценарии, порождающие третье прочтение, представляют использование оцениваемого предложения как единый коммуникативный акт, а его оценку – как выбирающую подходящее прочтение относительно единого контекста, в котором этот акт осуществляется.

Под контекстом высказывания или использования предложения в современной семантике понимается набор обстоятельств, характеризующих коммуникативное действие, существенными составляющими которого являются произнесение или написание данного предложения (реже акт мышления, который его использует) с определенной целью или намерением. Обычно эти обстоятельства включают время, место и агента высказывания, а также некую широкую совокупность фактов – так называемый мир высказывания. Для предложения с выражениями, трактуемыми как содержащие логические переменные, учет контекста его высказывания – необходимое условие оценки его

истинностного значения. Высказывание предложения, выражающего психологическую установку, можно рассматривать как два коммуникативных акта, объединенных в один, и, соответственно, как связывающее разные компоненты предложения с двумя разными контекстами, представляющими один ситуацию говорящего, а другой – агента установки.

Предложение может состоять из частей, относящихся к разным высказываниям. Например, первая часть предложения

(5) *Приближается поезд, зеленый*

явно высказана с целью предупреждения или описания некой ситуации, но роль второй части, состоящий из слова «зеленый», менее очевидна. Оно может быть частью описания, сообщая о еще одной характеристике поезда, о котором идет речь; но также оно может замещать нечто вроде «поезду дан зеленый свет», т. е. сообщать, что проезд открыт. Во втором случае то, что выглядит высказыванием одного предложения, уместно трактовать как соединение двух высказываний. Как правило, в подобных случаях у этих высказываний один агент и одна аудитория. Однако, оценивая такое предложение относительно единого момента времени, интерпретатор уже исходит из допущения, что у оно представляет единичное высказывание и единый контекст. Между тем понятно, что, поскольку акт высказывания имеет временную длительность, моменты времени произнесения разных его компонентов различаются. Так же точно могут различаться и места их произнесения, если, например, агент движется во время высказывания. В принципе, и мир может измениться в процессе высказывания. Всеми этими отклонениями от строгого единства контекстных параметров можно пренебречь в ситуации, когда высказывание явно представляет собой единый акт. Но если оно маскирует два и более акта использования разных лингвистических структур, такое пренебрежение вряд ли оправдано. Так, если разные составляющие (5) произносятся с разными целями: например – первая часть для предупреждения, а вторая для описания, – или если они произносятся с одной целью, но сообщают разные, хотя и связанные друг с другом, положения дел, их уместно оценивать относительно разных контекстов. То, что эти контексты могут иметь общие элементы, дела не меняет.

В принципе, если принять во внимание динамику коммуникации, можно пойти дальше. Стандартной минимальной интерпретируемой составляющей речи или письма в динамической семантике, в частности, в дискурсивно-репрезентативной теории (ДРТ)¹⁶, является предложение: его высказывание добавляет новую информацию к той, что уже сообщена, и, таким образом, меняет контекст оценки

¹⁶ Самой популярной версии динамической семантики, основы которой были изложены в: [Кемп, 1981]. См. также: [Кемп и Рейл, 1993].

всего дискурса. Но поскольку при таком подходе дискурс отображается на ментальную репрезентацию сказанного интерпретатором, а интерпретатор обычно получает информацию о том, что сказано, по мере поступления лингвистических входных данных, которые он способен интерпретировать, можно рассматривать произнесение каждого нового осмысленного для интерпретатора выражения в ряду как меняющееся дискурсивный контекст. Так, с точки зрения стандартной ДРТ первая часть (5) должна трактоваться относительно его грамматической структуры как вводящая одну переменную – дискурсивный референт (то, о чем идет речь) – посредством именной группы «поезд» и два условия, которым эта переменная должна отвечать – что то, о чем идет речь, есть поезд, и что он приближается. Ситуация выглядит таким образом, как будто интерпретатор сначала воспринимает высказываемое предложение все целиком, а затем приступает к его интерпретации. Однако в реальной жизни все не обязательно обстоит именно так: люди – не программируемые устройства, и они могут использовать разные стратегии интерпретации. Если человек внимательно слушает, что ему говорят, и успевает услышать каждое слово до того, как слышит следующее, он вполне способен интерпретировать уже понятые им выражения как вместе сообщающие какую-то мысль, даже если он понимает, что это – не окончательное понимание поступающего ему сообщения. Даже если он услышал только часть предложения (например, «Петя слышит...»), он может интерпретировать его как выражение некой мысли (например, что Петя что-то слышит), дополнив его недостающими элементами, до того, как услышит окончание фразы. Новые лингвистические данные обычно заставляют отбрасывать или модифицировать предварительно сформированную интерпретацию, но субъект в любом случае не обязан ждать, пока предложение будет высказано до конца.

С точки зрения динамики интерпретация (5) может состоять из следующих шагов: сначала интерпретируется «приближается», которое, если понимается обычным образом, вводит переменную для по крайней мере одного аргумента предиката, обозначаемого этим словом; данная часть сообщения говорит, что нечто приближается. Далее, интерпретируется слово «поезд», которое тоже вводит переменную и условие, относящее ее к виду поездов. Если интерпретатор имеет основания трактовать появление этого слова в данной речи как прямое следствие появления в ней в предшествующий момент слова «приближается», он может быстро подставить дискурсивный референт, вводимый словом «поезд», на место того, который был прежде введен словом «приближается», отождествив их. Обычно такие действия совершаются быстро и незаметно для самого интерпретатора в случаях, когда у него нет оснований сомневаться в том, что следующие друг за другом во времени лингвистические входные данные являются ин-

струментами выражения одной и той же мысли. Хотя эта презумпция часто оправдана, она все же не может быть аргументом в пользу того, что предложения должны быть минимальными интерпретируемыми элементами дискурса.

Тем не менее понятно, что в большинстве случаев первая часть (5) получит при такой динамике интерпретации то же прочтение, которое она получила бы, если бы интерпретировалась как единое целое. Однако произнесение слова «зеленый» меняет ситуацию: даже если оно понимается как продолжение предшествующего дискурса, из этого не следует какая-то определенная интерпретация этого его появления. Поскольку то, что это слово выражает в данном дискурсе, может не быть характеристикой самого поезда, его семантический вклад нельзя просто свести к добавлению еще одного условия, которому должен удовлетворять дискурсивный референт предшествующей части предложения¹⁷. Обычно рациональный интерпретатор старается следовать презумпции единства дискурса, пока нет веских оснований отбросить ее. Но отсутствие веских оснований такого рода вполне совместимо с наличием оснований отбросить презумпцию единства высказывания, часть которого не позволяет однозначно связать ее с предшествующими частями.

Если «зеленый» в (5) выражает что-то вроде «__ дан зеленый свет», то с точки зрения логики можно сказать, что (5) все равно выражает одну пропозицию: что приближается поезд и ему дан зеленый свет. Просто вторая часть выражающего ее предложения вводит новый дискурсивный референт и связывающие его, в том числе с предшествующим референтом, условия¹⁸. Но с точки зрения динамики дискурса это не так: вторая часть вводит не один, а два новых дискурсивных референта, один из которых является аргументом не артикулированного в речи выражения «__ дан зеленый свет». То, что он дан поезду, о котором шла речь прежде, есть вывод из интерпретации, базирующейся на отождествлении двух дискурсивных референтов. Но исходное содержание, сообщаемое данной частью дискурса, скорее состоит в том, что чему-то дан зеленый свет. С этой точки зрения нельзя сказать, что две части (5) выражают одну мысль: они интерпретируются как выражающие одну мысль после того, как сообщаемая ими информация соединяется интерпретатором таким образом, что соответствующие дискурсивные референты отождествляются¹⁹.

¹⁷ В этом случае дискурс сообщал бы, что приближается поезд и он зеленый.

¹⁸ В терминах ДРТ: [x у поезд(x) приближается(x) свет(y) зеленый(y) дан(x, y)].

¹⁹ То, что (5) с этим значением первоначально сообщает можно представить в следующей схеме: [x поезд(x) приближается(x)] ⊕ [y z свет(y) зеленый(y) дан(z, y)], где «⊕» обозначает необходимость осуществления процедуры соединения двух частей в интересах единства дискурса. В некоторых версиях ДРТ подобные ре-

То, что в некоторых случаях уместно трактовать конкретное появление предложения скорее как группу высказываний, чем как единое высказывание, можно увидеть на примере предложений с индексальными терминами. Допустим, некто говорит:

(6) *Я жду и надеюсь*

Напрашивается трактовка, согласно которой (6) выражает мысль, что говорящий ждет и он же надеется. Но две части (6), разделенные словом «и», могли бы быть произнесены двумя разными людьми: один мог бы сказать «я жду», а второй добавить «и надеюсь», имея в виду не сказать, что он надеется, а процитировать не высказанное, но предполагаемое окончание мысли автора высказывания «я жду». В этом случае не правильно было бы сказать, что (6) выражает мысль, что говорящий ждет и он же надеется, т. к. надеется не говорящий а тот, от чьего лица данная часть высказывания была сказана говорящим. Но если бы второй говорящий говорил о себе самом, (6) так же нельзя было бы понимать как сообщение, что говорящий ждет и он же надеется, т. к. ждущим и надеющимся в этом случае были бы два разных индивида. В этом случае правильнее было бы понимать (6) как сообщающее, что тот, кто произносит «я жду», ждет, и некто, произносящий «и надеюсь», надеется. Логически ничто не мешает представить этот результат как одну пропозицию, но динамически здесь явно речь идет о двух разных ситуациях, на связь между которыми намекает использование связующего слова «и» и которую требуется установить, используя дополнительную информацию. Конечно, когда (6) произносит один человек, у интерпретатора обычно не возникает проблем с приписыванием ему значения сообщения о том, что этот самый человек вместе ждет и надеется. И, тем не менее, субъект мог бы, высказав первую часть (6) о себе самом, высказать вторую часть о ком-то, в чьей роли он себя видит в данный момент времени. Например, играя в компьютерную игру, субъект может сказать

(7) *Я погиб; хорошо, что сохранился*

«Я» в этом предложении, если говорящий имел в виду, что его персонаж погиб в игре, относится не к говорящему, а к его компьютерному персонажу, тогда как скрытое «я» перед «сохранился», на наличие которого указывает окончание данного слова, относится к

зультаты называют предварительными репрезентациями дискурса (см., например: [Майер, 2009]), подразумевая, что собственно содержание сказанного в дискурсе является отражением результатов всех действий, которые должны быть совершены в отношении предварительных репрезентаций согласно выбранной стратегии интерпретации. Однако можно смотреть на ситуацию иначе: трактовать именно предварительные репрезентации дискурса отражениями того, что в нем сказано, а так называемые окончательные результаты – выводами, которые может сделать из сказанного рациональный коммуникатор.

самому игроку. Первая часть (7) тогда будет выражать мысль, что компьютерный персонаж говорящего погиб, а вторая – что хорошо, что говорящий сохранился.

Мне кажется, приведенные примеры показывают, что у нас есть основания трактовать некоторые коммуникативные действия, выглядящие атомарными, как скрытые совокупности высказываний или, альтернативно, – как высказывания, выражающие одновременно несколько мыслей. В интересах единства дискурса обычные интерпретаторы в нормальных условиях, как правило, трактуют такие действия как единичные высказывания, выражающие каждое одну мысль; и часто это дает, в конечном счете, адекватное понимание сказанного. Но не всегда.

Кластерный анализ третьего прочтения

Если сказанное выше верно, то, рассмотрев соответствующие примеры в динамической перспективе, можно увидеть, что третье прочтение проблематичных высказываний может быть устранено.

Так, говорящий (2) в сценарии третьего прочтения старается одним предложением сообщить, как что хочет Мэри, так и как он сам понимает ее желание; при этом он, вероятно, понимает, что его трактовка желания Мэри не соответствует ее собственной. Таким образом, выбрав форму выражения, при которой вся сообщаемая информация управляется одним оператором (глаголом установки), он совершает своего рода подмену: выдает два разных сообщения за одно. Более того, если Мэри не верит, что шляпа, которую она хочет купить, такая же, как шляпа говорящего, а говорящий в это верит, то между ними есть реальное разногласие по этому вопросу. Тогда, пытаясь сообщить теми средствами, которые использованы в (2), что хочет Мэри с ее собственной точки зрения и одновременно с точки зрения говорящего, он еще и создает ложное впечатление: либо что Мэри верит в то, во что она не верит, либо что он верит в то, во что он не верит (что Мэри, с ее точки зрения, хочет купить такую же шляпу, как у него). С учетом этого уместно считать подобные высказывания в сценариях, инспирирующих третье прочтение, не корректными способами выражения соответствующих мыслей, выбираемыми в силу каких-то их эстетических, практических или иных достоинств.

Идея кластерного анализа предложения состоит в том, чтобы объяснить семантику его использования в конкретном коммуникативном акте тем обстоятельством, что оно выполняет в этом акте не одну, а несколько коммуникативных функций. Пусть

(8) *Вот мастер на все руки*

произнесено, чтобы представить определенного человека. В силу общности данного целеполагания (8) можно трактовать или как приписывание конкретному человеку свойства быть мастером на все руки или как просто указание на данного человека с помощью идиоматического выражения «мастер на все руки»²⁰. Таким образом, доступны как минимум два прочтения (8):

(8') *Вот конкретный индивид x и x есть мастер на все руки.*

и

(8'') *Вот: мастер_на_все_руки(x).*

(8') ложно, если человек, на которого указывает говорящий, не является мастером на все руки, тогда как истинностное значение (8'') не зависит от этого обстоятельства. Но в сценарии, в котором говорящий (8) интенционально или в силу выбранного способа выражения сообщает и то, что выражает (8'), и то, что описывает (8''), более уместным может быть прочтение

(8''') *Вот: мастер_на_все_руки(x) и x есть мастер на все руки.*

Но (8''') представляет (8) как своего рода тавтологию, что вряд ли соответствует рассматриваемому сценарию. Альтернативно (8) можно анализировать как сообщение двух мыслей, замаскированное под высказывание одной. Одно из этих сообщений, в общем, передается прочтением (8'), а другое – прочтением (8'').

Такое понимание позволяет получить кластерный парафраз (8'''), в котором его содержание раскрывается как конъюнкция того, что сообщают, соответственно, (8') и (8''), «упакованная» в одно высказывание:

(8*) *<Вот конкретный индивид x и x есть мастер на все руки>₁ и <Вот: мастер_на_все_руки(y)>₂*²¹.

Так же когда человек, рассказывая ребенку сказку, говорит

(9) *Я тебя съем,*

это предложение обычно выполняет две дискурсивные роли: угрозы от лица волка и сообщения от лица рассказчика об определенной ситуации в мире сказки²². Его, соответственно, можно представить двумя кластерами: кластером волка (*Я(=волк_{wl}) съем_{wl} тебя(=жертву_{wl})*) (в какой-то момент времени, следующий за данным высказыванием

²⁰ Это различие соответствует тому, что К. Доннелан [Доннелан, 1966] назвал референциальными и атрибутивными использованиями определенных дескрипций.

²¹ Альтернативно «вот» может выражать отдельное сообщение, выполняющее роль привлечения внимания к тому, что будет сказано после; тогда его можно вынести за скобки и не повторять в каждой части (8*).

²² Возможен также более экзотический сценарий, в котором говорящий маскирует словами из сказки реальную угрозу съесть адресата в мире высказывания.

в w_l) и кластером рассказчика ($Я(=$ рассказчик $_{w_0})$ тебе($=$ адресату $_{w_0}$) сообщаю, что волк $_{w_l}$ собирается съесть в w_l жертву $_{w_l}$ (в какой-то момент времени, следующий за данным высказыванием в w_l)²³.

В свете сказанного третье прочтение можно точно так же объяснить как эффект, вызываемый попыткой выразить одним предложением два сообщения, не сводимые одно к другому: сообщение об установке субъекта с его собственной точки зрения и сообщение о его установке с точки зрения фактов (или вернее – представления говорящего о фактах). В соответствии с этим можно разбить содержание такого высказывания на (условно) субъективный кластер, сообщающий нечто от лица агента установки, и (условно) объективный кластер, сообщающий факты, где и то, и другое сообщается от лица говорящего.

Так, субъективный кластер в высказывании (3), соответствующим сценарию третьего прочтения, будет сообщать, что (с точки зрения говорящего) Наташа хочет выйти замуж за топ-менеджера ГАЗПРОМа, т. е. нечто, что сама Наташа приписала бы себе как объект ее соответствующего желания. Объективный же кластер в данном случае будет сообщать, что (с точки зрения говорящего) все x миллионеры и Наташа хочет выйти замуж за x ²⁴. Как отдельное сообщение каждый кластер далее может интерпретироваться посредством как *de re*, так и *de dicto* прочтения.

Аналогично, (2) в случае, инспирирующем третье прочтение, можно разбить на кластеры, один из которых сообщает, что Мэри хочет, чтобы была шляпа, отвечающая определенным параметрам, и она ее купила, а второй – что любая шляпа, отвечающая соответствующим параметрам, есть шляпа, такая же как шляпа говорящего, и Мэри хочет купить такую шляпу. При таком анализе флер парадоксальности рассматриваемых случаев разveивается и все опять сводится к обычной двусмысленности, схватываемой различием между *de re* и *de dicto* прочтениями.

Список литературы

Бономи, 1995 – *Bonomi A.* Transparency and specificity in intensional contexts // *On Quine* / Ed. by P. Leonardi, M. Santambrogio. Cambridge University Press, 1995. P. 164–185.

²³ Мир рассказчика не обязательно должен совпадать с миром говорящего. Также, поскольку говорящий выступает в таком случае от лица сказочного персонажа, понятие мира высказывания само становится двусмысленным. Но для простоты можно отождествить его с миром действительного говорящего.

²⁴ Это сообщение не обязательно должно как-то определять x – например, сообщать, что x есть топ-менеджер ГАЗПРОМа; даже если говорящий знает, что Наташа хочет выйти замуж за топ-менеджер ГАЗПРОМа, объективный кластер (3) может не подразумевать и точно не сообщает эксплицитно этой информации.

Доннелан, 1966 – *Donnellan K.* Reference and definite descriptions // *Philosophical Review*. 1966. No. 77. P. 281–304.

Кемп, 1971 – *Kamp H.* Formal properties of now // *Theoria*. 1971. No. 37. P. 227–273.

Кемп, 1981 – *Kamp H.* A theory of truth and semantic representation // *Formal Methods in the Study of Language* / Ed. by J.A.G. Groenendij, T.M.V. Janssen, M.B.J. Stokhof. Amsterdam: Mathematical Centre Tracts 135, 1981. P. 277–322.

Кемп и Рейл, 1993 – *Kamp H., Reyle U.* From discourse to logic. Introduction to model-theoretic semantics of natural language, formal logic and discourse representation theory. Dordrecht: Kluwer, 1993. 713 p.

Крессвелл, 1990 – *Cresswell M.* Entities and indices. Dordrecht: Kluwer, 1990. 274 p.

Куслий, 2013 – *Куслий П. С.* Проблема третьего прочтения в семантике сообщений о верованиях // *Философия языка и формальная семантика* / Под ред. П.С. Куслия. М.: Альфа-М, 2013. С. 129–160.

Льюис, 1972 – *Lewis D.* General semantics // *Semantics of natural languages* / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. P. 169–218.

Майер, 2009 – *Meier E.* Proper names and indexicals trigger rigid presuppositions // *Journal of semantics*. 2009. No. 26. P. 253–315.

Монтегю, 1974 – *Montague R.* English as a formal language // *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague* / Ed. by R.H. Thomason. New Heaven (CT); L.: Yale University Press, 1974. P. 188–221.

Перкус, 2000 – *Percus O.* Constraints on some other variables in syntax // *Natural language semantics*. 2000. Vol. 3. No. 8. P. 173–229.

Прайор, 1968 – *Prior A.* Now // *Noûs*. 1968. No. 2. P. 191–207.

Фон Финтель и Хайм, 2011 – *von Fintel K., Heim I.* Intensional semantics. Cambridge (MA): MIT University Press, 2011. 133 p.

Фодор, 1970 – *Fodor J.D.* The linguistic description of opaque contexts. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 384 p.

Фреге, 1967 – *Frege G.* Begriffsschrift, a Formula Language, Modelled Upon That of Arithmetic, for Pure Thought // *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931* / Ed. by J. van Heijenoort. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1967. P. 1–82.

Фреге, 1948 – *Frege G.* On Sense and Meaning // *The Philosophical Review*. 1948. Vol. 57. No. 3. P. 209–230.

Хинтиikka, 1969 – *Hintikka J.* Semantics for propositional attitudes // *Philosophical logic* / Ed. by J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson. Dordrecht: Reidel, 1969. P. 21–45.

References

Bonomi A. Transparency and specificity in intensional contexts. In: P. Leonardi, M. Santambrogio (eds.). *On Quine*. Cambridge University Press, 1995, pp. 164–185.

Cresswell M. *Entities and indices*. Dordrecht: Kluwer, 1990. 274 p.

Donnellan K. Reference and Definite Descriptions. *Philosophical Review*, 1966, no. 77, pp. 281–304.

Fodor J. D. *The linguistic description of opaque contexts*. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1970. 384 p.

Frege G. Begriffsschrift, a formula language, modelled upon that of arithmetic, for pure thought. In: Heijenoort, J. van (ed.). *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967, pp. 1–82.

Frege G. On Sense and Meaning. *The Philosophical Review*, 1948, vol. 57, no. 3, pp. 209–230.

Hintikka J. Semantics for propositional attitudes. In: J.W. Davis, D.J. Hockney, W.K. Wilson (eds.). *Philosophical logic*. Dordrecht: Reidel, 1969, pp. 21–45.

Kamp H. A theory of truth and semantic representation. In: J.A.G. Groenendijk, T.M.V. Janssen, M.B.J. Stokhof (eds.). *Formal methods in the study of language*. Mathematical Centre Tracts 135, Amsterdam, 1981, pp. 277–322.

Kamp H. Formal properties of now. *Theoria*, 1971, no. 37, pp. 227–273.

Kamp H., Reyle U. *From discourse to logic. Introduction to model-theoretic semantics of natural language, formal logic and discourse representation theory*. Dordrecht: Kluwer, 1993. 713 p.

Kusliy P. S. Problema tretjego prochtenija v semantike soobschenij o verovanijax [Problem of the third reading in the semantics of propositional attitude reports]. In: P.S. Kusliy (ed.). *Filosofija jazyka i formal'naja semantika* [Philosophy of language and formal semantics]. Moscow: Alfa-M Publ., 2013, pp. 129–160.

Lewis D. General Semantics. In: D. Davidson, G. Harman (eds.). *Semantics of natural languages*. Dordrecht: Reidel, 1972, pp. 169–218.

Meier E. Proper Names and indexicals trigger rigid presuppositions. *Journal of semantics*, 2009, no. 26, pp. 253–315.

Montague R. English as a formal language. In: R.H. Thomason (ed.). *Formal philosophy. Selected papers of Richard Montague*. New Heaven, CT, and London: Yale University Press, 1974, pp. 188–221.

Percus O. Constraints on some other variables in syntax. *Natural language semantics*, 2000, vol. 3, no.8, pp. 173–229.

Prior A. Now. *Noûs*, 1968, no.2, pp. 191–207.

Von Fintel K., Heim I. *Intensional Semantics*. Cambridge, MA: MIT University Press, 2011. 133 p.